

Научная статья

УДК 94 (470.6) "18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.2>

«МЫ В ТАКОМ УНЫНИИ, КАК ГОЛУБЬ УНЫВАЕТ ПРИ УДАЛЕНИИ ДЕТЕЙ...»: ЮЖНЫЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Максим Сергеевич Ануфриенко

Пятигорский государственный университет (д. 9, ул. Калинина, Пятигорск, 357501, Российская Федерация)

Аспирант

makoso@list.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3873-1106>

Аннотация. Введение. В работе раскрывается значение торгового обмена для горцев Северного Кавказа в конце XVIII – начале XIX веков. Такие экономические контакты носили устойчивый характер и позволяли выстраивать коммуникативные связи как внутри региона, так и за его пределами. В кавказоведении эта часть жизни местных народов традиционно пользуется вниманием со стороны исследователей, которые анализируют, что и как обменивали и покупали жители региона. Даются оценки влияния торговли на политическую ситуацию в крае, ее социокультурные последствия. **Материалы и методы.** В статье использованы различные виды источников – как уже введенные в научный оборот, так и выявленные автором в Государственном архиве Краснодарского края. Привлекаются нарративные материалы, позволяющие дать оценку изучаемому явлению глазами современников. В ходе проведенного исследования автор опирался на различные теоретические и концептуальные подходы, принципы историзма, объективности. Использованы как общенаучные методы исследования, в частности, анализ и синтез, так и специальные – историко-сравнительный, историко-типологический. **Анализ.** Не подвергая сомнению сам факт наличия торговли у северокавказских народов, мы должны констатировать ее преимущественную ориентацию на внешние связи. Российское направление следует рассматривать отдельно, так как в итоге именно оно станет доминирующим в коммерческих контактах автохтонного населения. Но помимо него, существовали и имели устоявшиеся традиции мено-

вые отношения с другими народами, готовыми приобретать товары северокавказских горцев и предлагавшими им свою продукцию. **Результаты.** Торговые контакты играли важную роль в системе жизнеобеспечения населения Северного Кавказа. Шел обмен продуктами земледелия и скотоводства на различные ремесленные изделия. В качестве перспективных рынков, на которые ориентировались северокавказские общества, выступали Восточная Грузия, Персия, Османская империя. Уровень местной торговли не выходил за рамки обмена, но даже в таких масштабах коммерческая деятельность приводила к постепенному встраиванию горцев в орбиту культурных и политических парадигм своих торговых партнеров, способствовала интеграционному сближению.

Ключевые слова: торговля, обмен, купцы, горцы, Северный Кавказ, Персия, Восточная Грузия, Османская империя

Для цитирования: Ануфриенко М. С. «Мы в таком унынии, как голубь унывает при удалении детей...»: южный вектор внешнеэкономических связей населения Северного Кавказа в конце XVIII – начале XIX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 16–22. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.2>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 16.09.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.12.2024.

Статья принята к публикации: 21.01.2025.

Research article

“WE ARE AS DESPONDENT AS A DOVE IS DESPONDENT WHEN ITS CHILDREN ARE REMOVED...”: THE SOUTHERN VECTOR OF FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF THE POPULATION OF THE NORTH CAUCASUS AT THE END OF THE 18TH – BEGINNING OF THE 19TH CENTURIES

Maxim S. Anufrienko

Pyatigorsk State University (9, Kalinina St., Pyatigorsk, 357501, Russian Federation)

Postgraduate student

makoso@list.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3873-1106>

Abstract. Introduction. The work reveals the importance of trade exchange for the highlanders of the North Caucasus at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries. Such economic contacts were sustainable and made it possible to build communication ties both within the region and beyond. In Caucasian studies, this part of the life of local peoples traditionally receives attention from researchers who analyze what and how the inhabitants of the region exchanged and bought. An assessment is made of the impact of trade on the political situation in the region and its sociocultural consequences. **Materials and Methods.** The article uses various types of sources - both those already introduced into scientific circulation and those identified by the author in the State Archive of the Krasnodar Krai. Narrative

materials are used to evaluate the phenomenon being studied through the eyes of contemporaries. In the course of the study, the author relied on the principles of historicism and objectivity, which made it possible to consider the phenomenon under study in connection with the political, socio-economic and cultural processes that took place both in the region and in adjacent territories. Both general scientific research methods, in particular analysis and synthesis, and special ones - historical-comparative, historical-typological – were used. All this made it possible to analyze the external vector of trade priorities of the peoples of the North Caucasus, showing its importance for the life support system of local societies. **Analysis.** Without questioning the very fact of the existence of trade among the North Caucasian

© Ануфриенко М. С., 2025

peoples, we must state its primary orientation towards external relations. The Russian direction should be considered separately, since in the end it will become dominant in the commercial contacts of the autochthonous population. But besides it, there were and had well-established traditions of barter relations with other peoples who were ready to purchase the goods of the North Caucasian highlanders and offered them their products. **Results.** Trade contacts played an important role in the life support system of the population of the North Caucasus. There was an exchange of agricultural and livestock products for various handicrafts. The promising markets that North Caucasian societies were oriented towards were Eastern Georgia, Persia, and the Ottoman Empire. The level of local trade did not go beyond exchange, but even on such a scale, commercial activity led to the gradual integration of the highlanders into the orbit of the cultural and political paradigms of their trading partners and contributed to integration rapprochement.

Введение. Торговый обмен играл важную роль в жизни народов Северного Кавказа. Даже при наличии натурального хозяйства местное население не могло полностью обойтись без приобретения необходимых вещей, произвести которые самостоятельно было затруднительно либо невозможно. Такие экономические контакты носили устойчивый характер и позволяли выстраивать коммуникативные связи как внутри региона, так и за его пределами. В кавказоведении эта часть жизни местных народов традиционно пользуется вниманием со стороны исследователей, которые анализируют, что и как обменивали и покупали жители региона. Учёными даются оценки влияния торговли на политическую ситуацию в крае, ее социокультурные последствия. Отсюда и присутствие сюжетов, связанных с торговлей как в обобщающих трудах, посвященных экономическому развитию Кавказа [6; 16; 27 и др.], так и в исследованиях, непосредственно акцентирующих внимание на данном виде деятельности [37; 19; 21 и др.]. При наличии обширной историографии эвристическая привлекательность данного направления в кавказоведении далеко не исчерпана. В частности, вызывает интерес изучение приоритетов в торговых связях местных народов, внешнего вектора в этом виде деятельности.

Материалы и методы. В статье использованы различные виды источников – как уже введенные в научный оборот, так и выявленные автором в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК). Привлекаются нарративные материалы, позволяющие дать оценку торговли глазами современников. В ходе проведенного исследования автор опирался на принципы историзма, объективности, что позволило рассмотреть изучаемое явление во взаимосвязи с политическими, социально-экономическими и культурными процессами, происходившими как в регионе, так и на сопредельных территориях. Используются как общенаучные методы исследования, в частности, анализ и синтез, так и специальные – историко-сравнительный, историко-типологический. Все это позволило проанализировать внешний вектор торговых приоритетов народов Северного Кавказа, показав его значение для системы жизнеобеспечения местных обществ.

Анализ. Рассматривая ситуацию на примере Северо-Западного Кавказа, можно отметить тот факт, что изучающие торговлю специалисты акцентируют внимание на внешних связях адыгского этнического массива. Так, А.Ю. Чирг, справедливо ставя вопрос о том, что в поле зрения ученых попадали прежде всего примеры, связанные с контактами черкесов и русских, а другие направления их коммерческой деятельности игнорировались, вновь выделяет лишь внешние связи местных

Keywords: trade, exchange, merchants, highlanders, North Caucasus, Persia, Eastern Georgia, Ottoman Empire

For citation: Anufrienko MS. "We are as despondent as a dove is despondent when its children are removed...": the southern vector of foreign economic relations of the population of the North Caucasus at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries. *Humanities and law research*. 2025;12(1):16-22. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.2>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 16.09.2024.

The article was approved after reviewing: 18.12.2024.

The article was accepted for publication: 21.01.2025.

племен (Османская империя, Западная Европа) [35, с. 246]. Данный факт не противоречит особенностям хозяйства адыгской малой семьи, которая занималась земледелием, скотоводством, различными кустарными промыслами и ремеслами, т.е. тем же, чем и их соседи в регионе [28, с. 85]. И такая ситуация сложилась уже в средние века. Примечательно, что утверждение о том, что «кабардинцы были широко связаны со многими народами Северного Кавказа», не подкрепляется фактами, в то время как внешние торговые контакты подтверждены археологическими и письменными источниками [29, с. 137; 10, с. 166].

О скромных успехах в развитии северокавказской торговли говорит ее преимущественно меновый характер. К примеру, известно, что блюдо для замешивания теста оценивалось в пять килограммов шерсти, а за один килограмм сыра можно было получить десять деревянных ложек и т.п. [36, с. 40]. Своих денег в регионе не было. Использовались монеты иностранной чеканки или векселя. Отметим, что такая ситуация сложилась достаточно давно, по крайней мере, к XVI столетию, и к началу интересующего нас периода не претерпела существенных изменений [6, с. 72]. Был достигнут определенный предел в развитии экономики региона, выйти за рамки которого без внешнего вмешательства народы Северного Кавказа не могли. Успехи в развитии отдельных ремесел не меняли общей картины господства натурального хозяйства [30, с. 22].

Наметившееся к изучаемому периоду расширение объемов торговли нашло отражение в появлении скупщиков, которые объезжали различные селения и приобретали у жителей их продукцию. Если таковых не было, товар реализовывался на мелком сельском базаре. Отмечается, что особенно в ханских владениях всё замыкалось «рамками своего аула и ближайших деревень» [27, с. 382]. Усиливавшаяся феодальная власть осознавала угрозу, исходившую от свободных торговых контактов, которые делали человека независимым от воли владельца, и потому стремилась ограничить его экономические вольности.

Мы склонны разделить вывод о том, что «горцы, разбитые на большое количество полугосударств и этнических групп, не жили общей экономической жизнью и были политически разобщены между собой» [27, с. 383]. Но данное утверждение нуждается в некотором дополнении. Создать единое экономическое пространство с общностью хозяйственных интересов и специализацией отдельных районов только на конкретном виде деятельности было затруднительно. Выжить в условиях сурового ландшафтно-климатического своеобразия края без комплексного хозяйства, направленного

ного на максимальное удовлетворение потребностей за счет собственных ресурсов, было невозможно. Для этого требовались развитые товарно-денежные отношения, чего в условиях доминирования патриархального уклада с его натуральным способом ведения хозяйства местный социум не имел. Нужен был серьезный внешний «раздражитель», роль которого в дальнейшем сыграет Россия. До этого момента наметившиеся внутрирегиональные экономические связи, которые ассоциировались прежде всего с торговыми контактами, достигли своего предела и не позволяли вывести процесс интеграции на качественно новый уровень.

Итак, не подвергая сомнению сам факт наличия торговли у северокавказских народов, мы должны констатировать ее преимущественную ориентацию на внешние связи. Российское направление следует рассматривать отдельно, так как в итоге именно оно станет доминирующим в коммерческих контактах автохтонного населения. Но помимо него, существовали и имели устоявшиеся традиции меновые отношения с другими народами, которые готовы были приобретать товары северокавказских горцев и предлагали им свою продукцию.

Давним партнером в торговле была Восточная Грузия. В работах встречаются даже такие определения, как «житница для народов, граничивших с ней» [16, с. 136]. Речь в данном случае шла не только о закупке продовольствия. Горцы охотно приобретали и различные промышленные товары, которые были необходимы в хозяйстве и быту. Собиравшие сведения об аварцах российские военные отмечали, что они «получают хлеб, соль и вообще все первые потребности жизни» с территории Картли-Кахетии, и зависимость от этих поставок настолько велика, что они без них «существовать не могут» [5, с. 528]. В свою очередь, жители Северного Кавказа привозили на рынки Закавказья свои изделия (преимущественно бурки, сукно и т.п.). Грузинские цари ценили подобные отношения и старались подогревать интерес горцев к продолжению этих мирных и взаимовыгодных связей. В качестве инструмента выступала фискальная политика, которая давала возможность приезжавшим для обмена северокавказским горцам не платить налоговые и таможенные сборы. В «Списке освобожденным издревле от пошлины» числились «осетинцы, принадлежащие Грузии, а из иностранцев по древним обычаям кабардинцы, лезгины и осетинцы» [2, с. 481].

Такой подход позволял снизить накал враждебности между народами Кавказа, хотя и не являлся гарантией прекращения набегов на плоскостные земли, практикуемых горцами. Те, кто сумел наладить торговое партнерство, старались избегать вражды, невыгодной обеим сторонам. В опубликованных А.П. Берже документах мы находим следующую характеристику таких связей: «Анцухское общество всегда прежде к Грузии было миролюбиво, имело сюда свои торги и пасло скот свой в границах грузинских». Речь идет фактически об экономической интегрированности данного дагестанского общества в грузинское экономическое поле, что имело важные военно-политические результаты. Ими хотела воспользоваться и российская администрация, призывавшая не отвергать прежние достижения и убеждая горцев впредь оставаться «добрыми соседями к Грузии» [2, с. 657].

Подобные сюжеты будут воспроизводиться в переписке неоднократно. Более того, лезгины готовы были даже выдавать аманатов в качестве залога верности,

стремясь сохранить столь нужные им торговые отношения [3, с. 599]. Доходило до того, что в обращении к начальству применялись весьма витиеватые и цветастые фразы («мы в таком унынии, как голубь унывает при удалении детей, так воспрещено караванам нашим ездить туда» [Цит. по: 16, с. 138]), которые, по мнению отправителя, должны были продемонстрировать, насколько миролюбивых жителей гор затрагивают запреты на поддержание экономических связей.

В настоящий момент достаточно хорошо известен перечень товаров, который предлагался сторонами. Жители горного Дагестана стремились приобретать хлеб, спрос на который никогда не уменьшался. К другой группе товаров относились различные ремесленные изделия, особенно ткань. Важно отметить, что сами горцы взимали плату за проезд по своей территории бумажной материей: за оказанные услуги следовало «им платить холстом» [18, с. 93]. Что касается привычного эквивалента стоимости, то «там на деньги достать ничего невозможно, а больше в их потребу идет холст, гребни, костяные иглы, наперстки медные, мишура и тому подобные мелочи» [18, с. 94]. Предметы роскоши приобретались довольно редко, что позволяет получить представление о социальном портрете ориентированных на грузинский рынок покупателей. Это были многочисленные представители населения среднего достатка, каких в условиях господства патриархального равенства было большинство в горских обществах, мало подверженных имущественному расслоению. Они являлись главным потребителем товаров первой необходимости [19, с. 28–29]. Помимо селений Дагестана, Тифлис также стал местом притяжения для желающих совершить обмен выходцев из горной Чечни, Осетии, Ингушетии. Здесь, по словам современника, было «много купцов или скорее только разносчиков, у которых здесь находят материи, мелочный товар, съестные припасы и другие москательные (бытовой химии. – М.А.) товары» [17, с. 108]. Кроме столичного рынка, к услугам покупателей были еще и периферийные: Они, Цхинвали, Шилда, Телава и Душети [19, с. 28].

В свою очередь горцы привозили продукцию животноводства и изделия своих кустарей (войлок, одежда, предметы конской сбруи, шубы, выделанные меха, деревянную посуду и т.п.). Отмечается, что если со стороны Восточной Грузии мы видим не только товары местного производства, но и завезенные из других стран («здесь внешняя торговля производится с Турецкою империею, Персиею, Индию и Бухарию» [4, с. 238]), то выходцы с Северного Кавказа предлагали исключительно продукцию собственного производства [19, с. 29]. Низкий уровень развития торговли не породил желания заниматься продажей транзитных товаров. Всё, что приобреталось во владениях грузинских царей шло прежде всего на удовлетворение своих потребностей.

Обратим внимание на то, что реализаторами изделий горцев зачастую выступали армянские купцы. Посетивший Телава И.А. Гильденштедт отмечал, что здесь имеются «мелочные лавки армян с плохими шелковыми и хлопчатобумажными материями и лезгинскими товарами» [17, с. 90]. Наличие стационарных торговых точек говорит о регулярности поставок горских мастеров, которые нашли нишу для своей продукции на местном рынке.

В этой связи отметим вывод русского чиновника С.Д. Бурнашева, который накануне присоединения Картли-

Кахетинского царства к России писал: «Осетинцы и кабардинцы были всегда дружны с Грузией и по требованию царскому служат и ныне ему на войне за деньги» [12, с. 22]. Сложилось взаимовыгодное партнерство, обусловленное давними экономическими контактами. Резонно предположить, что в его основе лежали торговые отношения, постепенно приведшие обе стороны к достаточно высокому уровню интеграции.

В то же время нельзя идеализировать и преувеличивать возможности торговых контактов для решения политических задач. Регулярные связи между Восточной Грузией и лезгинскими обществами не останавливали горские набеги. Они были настолько разорительны, что поставили Картли-Кахетию на грань катастрофы [24, с. 18]. Хотя подобный исход был невыгоден выходцам с Северного Кавказа, они не отказывались от сиюминутных выгод, превратив «хищничество» в отдельный вид промысла [11, с. 92–93].

Важной представляется следующая констатация, касающаяся осетино-грузинских связей, которую, на наш взгляд, можно расширить и распространить на другие горские народы Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Ее сформулировал Г.Д. Тогушвили, отметивший, что «экономические отношения Осетии в основном сводились к отношениям с грузинским миром, ибо в тот период только грузинская экономика давала возможность пополнения экономики Осетии. Что же касается других народов, непосредственно граничащих с осетинами – кабардинцев, балкарцев и чечено-ингушских племен, то они ни своим уровнем развития, ни характером хозяйствования почти ничем не отличались, а в ряде случаев даже находились на более низком уровне...» [33, с. 206].

Еще одним торговым партнером, на которого ориентировалось население Северо-Восточного и Центрального Кавказа, была Персия. Однако к началу интересующего нас периода внутренняя ситуация в Иране не давала возможности расширить его торговые обороты в крае. Купцы подвергались грабежам и поборам, причем защитить их было попросту некому. Даже русские купцы, несмотря на поддержку со стороны правительства, не чувствовали себя в безопасности. Чего уж говорить о тех, кто действовал на свой страх и риск, не имел за плечами могущественного покровителя и пытался доставить товары из Персии и обратно. Не устраивала большинство населения Северного Кавказа и номенклатура товаров, которую могла предложить сопредельная страна. Это были преимущественно предметы роскоши и нефть, потребность в которых была невелика и составляла интерес небольшой социальной группы в лице местной элиты. Единственными привлекательными товарами были недорогая материя и оружие, но последнее завозилось в небольшом количестве [21, с. 134–135].

Для персов Северный Кавказ был частью транзитного пути на те рынки, которые сулили большую выгоду и могли проявить заинтересованность в их продукции. Таким качествами обладало Московское царство и ее наследница Российская империя. Путь шел через Дербент, являвшийся крупнейшим торговым хабом региона. На нем замыкались как внешние, так и внутренние товаропотоки, идущие с юга на север и обратно. Их пополняла продукция и горских народов. Осознавая свою выгоду от такого положения, правители Дербента старались обеспечить безопасность проезжавших по их территории караванов [23, с. 148–149]. Кроме того, возводились

караван-сарай, где купцы могли отдохнуть и пополнить запасы продовольствия, нанять у местного населения транспорт, если в этом была необходимость.

Значительная часть персидской торговли находилась в руках армянских купцов, которые даже имели свою кампанию Нор-Джуги. Некоторые из них, будучи подданными персидского шаха, предпочли в итоге пойти под руку российского правителя и, обосновавшись на Северном Кавказе, продолжили поставлять иранские товары [1, с. 187].

Для народов, проживавших на северо-западе края, основным торговым партнером долгое время выступала Османская империя. Возможность использования кораблей делала перевозку товаров рентабельной и позволяла перевозить большое количество самого разного груза. В итоге сформировались устойчивые связи между черкесами и турками, приведшие к появлению ориентированных на османов групп населения. Конфессиональная близость, родственные (через гаремы) связи прекрасно дополняли коммерческую интеграцию. Отмечалось, что анатолийское купечество «обратило все капиталы» для поддержания связей с Черноморским побережьем Кавказа [14, л. 1].

Османские торговцы находили поддержку у своего правительства. Турецкая крепость Анапа, помимо сугубо военного предназначения, сделалась форпостом коммерческой экспансии Порты в регионе. Здесь были обустроены купеческие склады, которые охранял гарнизон крепости. Когда горцы приходили по торговой надобности к стенам укрепления, то им выделялось место как за пределами фортификации, так и внутри нее. Никто другой не мог воспользоваться этой площадкой, дававшей турецким негодьям существенное преимущество [37, с. 460]. Из одной только Новороссийской бухты ежегодно уходило около 120 судов, груженных шкурами, зерном и т.п. товаром, который затем появлялся на рынках Турции и даже находил английских покупателей [35, с. 247].

По мнению Н.Н. Раевского, ту власть, которую османы сумели получить среди местных черкесских обществ, они заработали благодаря торговле. Де-факто оставаясь независимыми, черкесы не платили никому дани, но при этом свободно пропускали турецких купцов внутрь своих земель [8, с. 339]. Долгое время турки могли пользоваться своей монополией на торговлю с Черкесией, что в итоге стало приносить как политические, так и социокультурные результаты.

Даже проиграв военное противостояние России, османы старались сохранить свое торговое присутствие в регионе. настолько привлекателен был местный рынок, что купцы готовы были рисковать и вступали в конфронтацию с российскими властями [25, с. 26 – 27]. Причина крылась в эксклюзивном товаре, который готовы были предоставлять черкесы – рабах. Если раньше местным «пленопродавцам» приходилось конкурировать с крымчаками, то после присоединения Крыма к России черкесы стали доминировать на этом рынке [20, с. 39].

Ничто не могло сравниться по стоимости с «живым товаром», спрос на него оставался высоким, особенно когда речь шла о юных претендентках, достойных занять место в гареме. Но если Россия не проявляла заинтересованности в невольниках, то, соответственно, ее привлекательность в глазах местных «поставщиков» уступала османской. Данный вид деятельности, судя по материалам фольклорных источников, считался престижным и был, с точки зрения современников, проявлением молодечества [26, с. 98].

Из числа местных уроженцев сформировались даже специализирующиеся на работорговле купцы, хорошо отладившие этот вид коммерции. В культурном плане они были «отуречены», хотя сами являлись представителями племен натухайцев и абадзехов. Достаточно услышать их имена – Хаджи Оглу Саид, Кимки Осман и т.п. Были среди них и выходцы не из черкесской среды, например, «Мегмет Вели из Дагестана». Они предпочитали проживать в Анапе, но при этом имели целую сеть своих комиссионеров среди соплеменников.

В обмен на невольников купцы доставляли наиболее ходовой среди горцев товар: соль, шелковые и бумажные ткани. Пожалуй, это тот редкий случай, когда из числа горцев сформировался слой профессиональных торговцев. Организация канала поставок «живого товара» не терпела случайных людей и была делом «узкой специализации».

В отличие от горцев Северо-Восточного Кавказа, которые также не чурались продавать рабов, но ограничивались преимущественно лишь взятыми в бою или набегах пленниками, черкесы «обыкновенно продаются по собственному желанию и воле родных, иногда же и без всякой платы предлагают себя к отвозу на турецкие рынки, в надежде променять горькую нищету на довольство и новый образ жизни» [7, с. 279–280]. Примечательно, что даже матери обучали своих дочерей, как себя вести и как «рекламировать» свои женские прелести потенциальному покупателю [22, с. 111].

Но так было далеко не всегда. Имеются свидетельства о похищении людей, не желавших оказаться в руках турецких работорговцев и сумевших спастись, перебежав на российскую сторону. Так, некий Девлет Натхо, который «бежал с двумя женами и детьми» и нашел укрытие в русском укреплении, рассказал, что его «черкесы притесняли, хотели отнять имение и детей воровали» [13, л. 130]. О своих злоключениях поведал вышедший в Навагинское укрепление Хот Гусейн, захваченный в плен абадзехами и проданный «в убыхское владение» [15, л. 2]. Все эти сведения были получены из опросных листов, в которых имелся шаблонный список вопросов, задаваемых каждому такому беглецу. Довольно часто в них встречались пояснения, что этот человек выбежал под покровительство России. К настоящему времени в научный оборот введены уже сотни документов, которые рисуют достаточно мрачную, с точки зрения человека нашего времени, картину невольничьего «бизнеса», жертвами которого становились не только иноплеменники, но и сами выходцы из горской среды [32, с. 34]. Считается, что ранее торговля людьми сопровождалась еще большим разбоем, но была «несколько смягчена» армянскими купцами, приехавшими из Крыма и Порты. С их появлением «укоренилась правильная и добровольная продажа людей за товары, привозимые из Турции» [22].

Данный вид торговой активности выработал свои ритуалы, способы взаимодействия, устраивавшие продавца и покупателя. Турецкие купцы буквально «бросались навстречу», чтобы узнать есть ли столь желанный товар, как девушка. Если предлагалась женщина, чья цена была в четыре раза ниже, то и она являлась вы-

годным приобретением. За несколько рейсов можно было заработать столько денег, чтобы «покойно доживать свой век». Если покупателей на один товар было несколько, они бросали жребий, кому из них он достанется, и довольный победитель принимался договариваться о цене. Делалось это через переговорщика, подходившего то к группе продавцов, то к находившимся поодаль покупателям. В конкретном описываемом случае стороны сговорились за две лошади и два вьюка бумажной материи. Сидевшая в спокойствии всё это время «рабыня» принялась плакать и проклинать своих «обидчиков», но внезапно успокоилась и, явно довольная, отправилась к новому владельцу. Такое поведение, по словам знающего человека, было частью необходимого ритуала, который «ничего не значит, это такой закон у марушек (женщин)». Бросается в глаза обыденность и привычность сделки, которую получил возможность наблюдать российский разведчик Ф.Ф. Торнау. Такая манера искать коммерческий компромисс сложилась явно давно, и она «ежедневно повторялась по черкесскому берегу» [31, с. 231–233].

По оценкам российских властей, число проданных невольников составляло ежегодно около 4000 человек. Как уже отмечалось, многие черкешенки становились женами османских влиятельных лиц. Через этих женщин устанавливались родственные контакты между кавказскими племенами и представителями турецкой власти. Сотни семей черкесов и кабардинцев перебрались во владения султана и оказались «поселены по черноморскому берегу Азиатской Турции». Из их числа нашлись уздени, которые «ежегодно путешествуют в Черкесию и вывозят невольников для продажи в Турции» [7, с. 287]. Никакая другая держава не проявляла такого интереса к рабам, как Османская Порта. Создав под этот запрос емкий, сулящий немалые выгоды рынок, империя султана сумела сформировать на Северном Кавказе свою социальную опору, уже не только экономически, но и политически и культурно ориентированную на Стамбул.

Результаты. Торговые контакты играли важную роль в системе жизнеобеспечения населения Северного Кавказа. Шел обмен продуктов земледелия и скотоводства на различные ремесленные изделия. Однако собственной ресурсной базы не хватало, отсюда и поступление значительной части товаров из внешних источников. Нередко в качестве торговых представителей выступали армянские купцы, которые имели обширные связи в Закавказье и на Ближнем Востоке. Горцы предпочитали использовать их посреднические услуги, так как самим реализовывать свой товар считали делом не престижным, да и не оправдывавшим понесенных затрат. В качестве перспективных рынков, на которые ориентировались северокавказские общества, выступали Восточная Грузия, Персия, Османская империя. Уровень местной торговли не выходил за рамки обмена, но даже в таких масштабах коммерческая деятельность приводила к постепенному встраиванию горцев в орбиту культурных и политических парадигм своих торговых партнеров, способствовала преодолению обособленности и враждебности, присущей локальности.

Литература

1. Аганесова Д. В., Суздальцева И. А. Армянские общины Дагестана в XVIII – XIX вв. Махачкала: «Народы Дагестана», 2007. 244 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А. П. Берге. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. Т.I. (далее – АКАК). 816 с.
3. АКАК. 1870. Т.IV. 1113 с.

4. АКАК. 1873. Т.V. 1170 с.
5. АКАК. 1878. Т.VII. 994 с.
6. Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI – XVII вв. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1957. 150 с.
7. Архив князя Воронцова. Книга 39. М.: Университетская типография, 1893. 532 с.
8. Архив Раевских. Т.III. СПб: Тип. М. А. Александрова, 1910. 718 с.
9. Аутлева С. Ш. Адыгские историко-героические песни XVI – XIX веков. Нальчик: Эльбрус, 1973. 226 с.
10. Бижев А. Х., Хаширов М. Ю. Адыгское крестьянство в годы Кавказской войны. Нальчик: Кабардино-Балкарский университет, 2000. 225 с.
11. Ботсвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа в грузинско-русских политических взаимоотношениях XVI–XVIII веков. Тбилиси: Издательство «Мецниереба», 1974. 106 с.
12. Бурнашев С. Д. Картина Грузии, или Описание политического состояния Царств Карталинского и Кахетинского, сделанное пребывающим при Его Высочестве царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Темуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786. Курс: Типография Курского приказа общественного призрения, 1793. 38 с.
13. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 1693.
14. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д.10.
15. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1418.
16. Гасанов М. Р. Из истории экономических взаимоотношений Дагестана и Грузии (конец XVIII – начала XIX в.) // Развитие феодальных отношений в Дагестане (тематический сборник). Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1980. С. 134–154.
17. Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб: Петербургское Востоковедение, 2002. 508 с.
18. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии / под ред. А. А. Цагарели. Т.1: С 1768 по 1774 год: с картой Закавказья 1771 года. СПб: Комиссия печатания государственных грамот и договоров, 1891. 518 с.
19. Дибирова А. И. Предметы торговли в торгово-экономических связях Дагестана и Грузии в XVIII – начале XIX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 1. С. 28–29.
20. Епифанцев А. А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? Москва: ООО «ИПЦ “Маска”», 2010. 356 с.
21. Илясова А. А., Гранкин Ю. Ю. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX веков. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. 224 с.
22. Каменев Н. Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 28. С. 111.
23. Касумов Н. К. Дербент – ворота Кавказа. Дербент: б.и., 2007. 480 с.
24. Клычников Ю. Ю. «Всероссийская империя служила защитой, помощью и убежищем»: Георгиевский трактат в истории русско-грузинских отношений / Под ред. проф. Ю. Ю. Гранкина. Пятигорск: ПГУ, 2023. 66 с.
25. Клычников Ю. Ю., Цыбулькина А. А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / под ред. и с предисл. Б. В. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. 256 с.
26. Л. Л. Адыгские тексты // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Выпуск 25. Отдел III. С. 1–99.
27. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – в начале XIX в. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1957. 408 с.
28. Меретуков М. А. Хозяйство у адыгов (XIX – начало XX в.) // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп: АНИИЭЯЛИИ, 1980. Выпуск III. С. 3–91.
29. Нагоев А. Х. Средневековая Кабарда. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. 230 с.
30. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар: Книжное издательство, 1989. 319 с.
31. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. 508 с.
32. Судьбы кавказских пленников / сост. Е.С. Тютюнина. Под ред. и с послесл. В. Б. Виноградова. Армавир – Нальчик: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 1998. 39 с.
33. Тогошвили Г. Д. Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ: Издательство «Ир», 2012. Т. I. 479 с.
34. Черкесские невольничьи повествования (сборник документов) / Автор-составитель и автор вводной статьи А. А. Черкасов // Былые годы. 2020. Т. 57–1. № 3–1. Спец. выпуск. С. 1415–2266.
35. Чирг А. Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп, 1991. Выпуск VIII. С. 246–274.
36. Шавхелшвили А. И. Из истории взаимоотношений Грузии и Чечено-Ингушетии (XVI – первая половина XIX в.) // Взаимоотношение народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 38–44.
37. Шамрай В. С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами. С 1792 по 1864 год // Кубанский сборник. 1901. Т.VIII. С. 355 – 522.

References

1. Aganesova DV, Suzdaltseva IA. Armenian communities of Dagestan in the 18th–19th centuries. Makhachkala: “Peoples of Dagestan”; 2007. 244 p. (In Russ.).
2. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission / ed. AP. Berger. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1866. Vol. I. (ACAC). 816 p. (In Russ.).
3. ACAC. Tiflis, 1870. Vol. IV. 1113 p. (In Russ.).
4. ACAC. Tiflis, 1873. Vol. V. 1170 p. (In Russ.).
5. ACAC. Tiflis, 1878. Vol. VII. 994 p. (In Russ.).
6. Alekseeva EP. Essays on the economy and culture of the peoples of Circassia in the 16th – 17th centuries. Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House; 1957. 150 p. (In Russ.).
7. Archive of Prince Vorontsov. Moscow: University Printing House, 1893. Book 39. 532 p. (In Russ.).
8. Raevsky archive. St. Petersburg: Printing house of MA Alexandrov, 1910. T.III. 718 p. (In Russ.).
9. Outleva SSH. Adyghe historical and heroic songs of the 16th-19th centuries. Nalchik: Elbrus; 1973. 226 p. (In Russ.).
10. Bizhev AKh, Khashirov MYu. Adyghe peasantry during the Caucasian War. Nalchik: Publishing House “Kabardino-Balkaria University”; 2000. 225 p. (In Russ.).
11. Botsvadze TD. The peoples of the North Caucasus in Georgian-Russian political relations of the 16th – 18th centuries. Tbilisi: Metsniereba Publishing House; 1974. 106 p. (In Russ.).

12. Burnashev SD. Picture of Georgia, or Description of the political state of the Kingdoms of Kartalin and Kakheti, made by Colonel and Cavalier Burnashev, who was staying under His Highness the King of Kartalin and Kakheti Irakli Temurazovich, in Tiflis in 1786. Kursk: Printing house of the Kursk order of public charity, 1793. 38 p. (In Russ.).
13. State Archive of the Krasnodar Krai (GAKK). F. 249. Inv. 1. D. 1693 (In Russ.).
14. GAKK. F. 260. Inv. 1. D. 10 (In Russ.).
15. GAKK. F. 261. Inv. 1. D. 1418 (In Russ.).
16. Gasanov MR. From the history of economic relations between Dagestan and Georgia (late 18th – early 19th centuries) in *Razvitie feodal'nyh otnoshenij v Dagestane (tematicheskij sbornik)*. Makhachkala: IYAL DagFAN USSR, 1980. P: 134-154.
17. Gildenshtedt IA. Travel through the Caucasus in 1770–1773. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies; 2002. 508 p. (In Russ.).
18. Charters and other historical documents of the 18th century related to Georgia / ed. AA Tsagareli. Vol. 1: From 1768 to 1774: with a map of Transcaucasia in 1771. St. Petersburg: Commission for Printing State Charters and Treaties, 1891. 518 p. (In Russ.).
19. Dibirova AI. Items of trade in trade and economic relations between Dagestan and Georgia in the 18th – early 19th centuries. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. 2007;(1):28-29. (In Russ.).
20. Epifantsev AA. Unknown Caucasian War. Was there genocide of the Circassians? Moscow: LLC “IPC “Mask”; 2010. 356 p. (In Russ.).
21. Ilyasova AA, Grankin YuYu. Trade factor in the system of political and economic development of the North Caucasus in the 18th – first half of the 19th centuries. Pyatigorsk: Publishing House PGLU; 2013. 224 p. (In Russ.).
22. Kamenev N. Psekups Basin. *Kubanskije vojskovye vedomosti*. 1867;(28):111. (In Russ.).
23. Kasumov NK. Derbent is the gateway to the Caucasus. Derbent; 2007. 480 p. (In Russ.).
24. Klychnikov YuYu. “The All-Russian Empire served as protection, help and refuge”: Treaty of St. George in the history of Russian-Georgian relations. Ed. by prof. YuYu Grankina. Pyatigorsk: Publishing House PGU; 2023. 66 p. (In Russ.).
25. Klychnikov YuYu, Tsybulnikova AA. “So the laws crowd out violent freedom...”: the struggle of Russian statehood against predation in the North Caucasus (historical essays). Ed. and with a foreword by BV. Vinogradova. Pyatigorsk: RIA KMV; 2011. 256 p. (In Russ.).
26. LL. Adyghe texts in Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. Tiflis; 1898. Issue. 25. Division III. P. 1-99. (In Russ.).
27. Magomedov RM. Socio-economic and political system of Dagestan in the 18th – early 19th centuries. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 1957. 408 p. (In Russ.).
28. Meretukov MA. Economy of the Circassians (XIX – early XX century). In *Kul'tura i byt adygov (etnograficheskie issledovaniya)*. Maykop. 1980; (3): 3-91.
29. Nagoev AKh. Medieval Kabarda. Nalchik: Publishing Center EI-Fa; 2000. 230 p. (In Russ.).
30. Pokrovsky MV. From the history of the Circassians at the end of the 18th – first half of the 19th century: Socio-economic essays. Krasnodar: Book publishing house; 1989. 319 p. (In Russ.).
31. Secret mission to Circassia of the Russian intelligence officer Baron FF Tornau. Nalchik: Publishing Center EI-Fa; 1999. 508 p. (In Russ.).
32. The fate of Caucasian captives. Compiled by ES Tyutyunina. Edited and with an afterword by VB. Vinogradova. Armavir-Nalchik: Advertising and information agency in Kavminvody, 1998. 39 p. (In Russ.).
33. Togoshvili G.D. Selected works on Caucasian studies. Vladikavkaz: Publishing House Ir; 2012. Vol. I. 479 p. (In Russ.).
34. Circassian slave narratives (collection of documents). Author-compiler and author of the introductory article A.A. Cherkasov. *Bylye gody*. 2020;57-1(3-1):1415-2266. Special issue.
35. Chirg AYu. Circassian life support culture. *Kul'tura i byt adygov (etnograficheskie issledovaniya)*. Maykop. 1991;(8):246-274. (In Russ.).
36. Shavkheleshvili AI. From the history of relations between Georgia and Checheno-Ingushetia (XVI – first half of the 19th century) in *Vzaimootnoshenie narodov CHEcheno-Ingushetii s Rossiej i narodami Kavkaza v XVI – nachale XIX v. Grozny*; 1981. 38-44 p. (In Russ.).
37. Shamray VS. A brief outline of exchange (trade) relations along the Black Sea cordon and coastline with the Trans-Kuban mountain peoples. From 1792 to 1864. *Kubanskij sbornik. Ekaterinodar*. 1901;(8):355-522. (In Russ.).